Окончание речи А. Я. ВЫШИНСКОГО

равны, то это должно означать что все люди должны быть равны и материально, а не только формально, потому что пользование равными правами, прописанными законом, без материальной основы для этого — это не равенство. Что за равенство, когда оно должно опираться на то, что и Рокфеллер и нищий могут одинаково ночевать под мостом...

Мы понимаем равенство таким образом, что оно опирается на определенную материальную основу. Весь наш советский народ борется за это, за то, чтобы заложить эти прочные основы, построить такой мощный экономический фундамент, который был бы действительно основной гарантией полного равенства. И мы уже достигли многого в этом, когда мы ликвидировали безработицу, — она в нашей стране невозможна, — когда мы имеем кризисов, — они в нашей стране невозможны, — когда мы создали условия для того гигантского прогресса, который составляет громадное завоевание советского строя, советской власти и который идет на благо нашему народу — миллионам и миллионам рабочих, крестьян и интеллигенции. Весь наш народ строит эту экономику. И когда нам г-н Лоуренс читает из обложки паскудной книжонки о принудительном труде в Советском Союзе, что будто бы этот принудительный труд создает советскую экономику, так ведь это же смешно и дико. И смешно и стыдно—смешно за то, что вот такая глупость написана, а стыдно за то, что ее повторяет министр юстиции Южно-Африканского Союза.

Нам здесь прочли целую проповедь Остин и Макнейл на тему о том, что такое принцип свободы слова. При этом проповедники все время исходили из того, что мы — советская делегация—хотим якобы уничтожить эту святыню, а вместе с ней уничтожить и права человека. Разумеется, это сплошной вздор. Остин здесь патетически восклицает, что советская делегация будто бы делает прямой выпад против самых основ того, что гарантирует якобы американскому народу «блаженство действительной свободы». Вам это кажется блаженством, но мы от этого блаженства не в восторге. Но это дело вкусов. Здесь хотят изобразить дело так, что Советский Союз требует, чтобы каждый индивидуум, как сказал Остин, соглашался с мыслями и идеями «излишне мелочной власти», чтобы не было свободной информации, чтобы не было свободного распространения мнений, чтобы судья, как говорил Остин, мог «наложить руки на мысли и слова народа». Остин до того увлекся размалевыванием этой картины, что заявил, что там, где судья применяет репрессии против конкретной свободы, там нет закона, и что в таком случае остается одна альтернатива: «восстание или революция».

Так Остин пугает доверчивых слушателей страшными словами. Хотя, разумеется, сам он понимает, что это несерьезно, потому что его слова не соответствуют действительности, потому что ему хорошо известно, что в демократических государствах судья самим законом уполномочен применять наказания не против конкретной свободы, а против злоупотребления свободой. Когда судья осуждает преступника, совершившего преступление, и приговаривает его к тюремному заключению, то, конечно, он ограничивает свободу преступника, но он ограничивает не свободу, как таковую, а свободу этого преступника, который не умеет пользоваться свободой, какой пользуются все другие граждане, уважающие законы своей страны.

Это же все хорошо понятно, и почему же в таком случае нам говорят такие вещи, что будто бы, если судья будет применять репрессии против конкретной свободы, то нет закона? Это только потому так говорят, что хотят изобразить дело так, что советское предложение настаивает на ограничениях свободы. Извините, пожалуйста, господа. Мы настаиваем на ограничении **произвола** в пользовании свободой, на пресечении **злоупотреблений** свободой, а не на ограничении пользования самой свободой. И именно настаивая на том, чтобы было ограничено злоупотребление свободой, мы тем самым защищаем подлинную свободу. Не приписывайте нам, таким образом, того, чего мы и в мыслях не имеем. Не извращайте наши предложения.

Сенатор Остин знает это, по крайней мере, должен знать, что никаких безграничных свобод не существует и что законодательства разных демократических стран предусматривают также совершенно неизбежные и очень важные ограничения этой так называемой «конкретной свободы».

В споре со мной Остин приводил примеры из практики американского судьи Холмса. Я еще раз внимательно просмотрел и остальные случаи, о которых говорил здесь Остин, и должен сказать, что еще больше убедился в том, что я правильно излагал Холмса. Поэтому тот юридический анализ, который здесь был представлен Остином, не выдерживает никакой критики.

Остин нам говорит: вы хотите ограничить свободу слова, свободу печати, но дело ведь может кончиться тем, что в конце концов вы будете мешать людям наблюдать, сравнивать, противопоставлять одно другому, думать и, как он выразился дальше, нашептывать друг другу свои подлинные мысли. Получается по Остину какое-то непонятное положение, когда хотят ограничить право людей «делиться своими мыслями с кем бы то ни было» или, как говорит Остин, «нашептывать» даже какие-то мысли. Остин изображает дело в очень уж наивном свете, рисуя чуть ли не идиллические картины.

Оказывается, этот Эрл, чудовищные слова которого, вероятно, у всех в памяти и который вторично подтвердил свой призыв сбросить атомные бомбы на СССР, просто «нашептывает» кому-то свои мысли. Это всего-навсего такой, знаете, забавный аркадский пастушок... и Итон, и Бирнс, и Буллит, и Дин, и Брукс, и Харви, и Черчилль,— все это аркадские пастушки, такие простодушные, которые просто нашептывают какие-то невинные вещи, а их хотят за это заклеймить, призвать к порядку, а может быть даже наказать. Правда, Остин в своей речи заявил, что им, этим пастушкам, нехватает самодисциплины, чтобы удержаться от неумеренных речей. Но — успокаивает Остин — это придет с возрастом, в результате, как он выражается, естественного роста их внутренних убеждений.

Вот тут получается уже водораздел разногласий. Советская делегация говорит: всякая пропаганда войны должна быть осуждена; нельзя допускать, чтобы печать и другие органы общественной информации в любой форме использовались для целей разжигания войны. Для этого нужно в каждой стране внутренним порядком установить такие законы, которые бы боролись с этим.

Нам отвечают: не должно быть никакого принуждения, никаких ограничений, свобода священна, она абсолютна. В Англии, например, это демонстрировали не только тем, что пацифистам разрешали во время войны проклинать войну, оборонительную войну, которую вела в это время Англия против Гитлера, но даже разрешили и после войны Мосли и его молодчикам свободно ходить по улицам и пропагандировать фашистские идеи. И вот повторяют: никаких принуждений, никаких наказаний, никаких внутренних законодательных мер против поджигателей войны, предлагается губернерское обхождение. Надо уговорить и надо предоставить время, когда в процессе «своего внутреннего роста» эти поджигатели войны откажутся сами от своей враждебной, вредной, опасной, разрушительной пропаганды войны.

Конечно, они от этой пропаганды никогда не откажутся, если, как говорит русская пословица, «на их роток не накинешь платок». Надо заставить замолчать пропагандистов и поджигателей войны. Этого требуют все миролюбивые народы. В этом заключается и основное содержание советского предложения.

Перехожу к выступлению Макнейла. В своем выступлении Макнейл взял на себя сегодня роль защитника турецкого делегата. Я не знаю, имел ли он доверенность на этот счет или нет, но меня очень удивило то, что сам турецкий делегат отказался себя защищать, отказавшись от слова, заявив, что он будет выступать только в том случае, если на него будут нападать. Это его дело. Но почему же тогда Макнейл берет на себя роль его защитника? Разве Сарпер не мог сам себя защищать, если он считал, что он может себя защитить? Это странная позиция, конечно. Но как же защищал Макнейл Сарпера?

Макнейл напомнил здесь о каких-то документах, которые обнаружены в Германии и которые англичане держат про запас, имея в виду использовать их лишь в том случае, если будет какая-то провокация. Это очень интересное признание. Мы его запомним, конечно. Мы знаем, с чьей стороны нужно ожидать эту провокацию.

Далее Макнейл остановился на наших предложениях, заявив, что советское предложение, а следовательно и предложение других делегаций осудить пропаганду войны, все виды пропаганды, имеющей целью поощрение любых актов агрессии, неприемлемо, так как трудно-де определить, что такое агрессия. Над юридическим аспектом этого вопроса нужно, конечно, поработать. Сейчас вопрос заключается не в этом, ибо мы здесь с вами не в научно - исследовательском институте, мы с вами не в королевском научном обществе. Мы с вами в политическом собрании, где должны решить политический вопрос. А политический вопрос ставится так: имеются ли в некоторых странах такие круги, которые изо дня в день печатают всевозможные сообщения, подстрекающие к тому, чтобы одно государство начало войну против другого государства. Есть такие или нет? Отвечаю — есть. Мне говорят, почему вы только назвали США, Турцию и Грецию? Обиделся представитель Великобритании Макнейл, что его не назвали. Ну, поскольку Макнейл не отделяет себя от Черчилля, а Черчилля я прямо назвал поджигателем войны, то я думаю, что вы, г-н Макнейл, должны быть удовлетворены.

В советской резолюции говорится: «Организация Об'единенных наций осуждает ведущуюся реакционными кругами в ряде стран и в особенности в Соединенных Штатах Америки, Турции, Греции преступную пропаганду новой войны путем распространения всякого рода измышлений посредством печати, радио, кино, публичных выступлений, содержащих открытые призывы к нападению на миролюбивые демократические страны». Вы хотите, может быть, чтобы мы расшифровали вам, какой это ряд стран? Мы постараемся это сделать. Поэтому тщетны попытки запутать вопрос всякими требованиями определить, что такое пропаганда, что такое агрессия и т. п. Мы политически должны сейчас сказать, какова обстановка, имеется ли сейчас угроза со стороны вот этих самых сумасшедших пропагандистов войны, вроде Эрла, и что нужно сделать, чтобы пресечь преступную пропаганду войны. Неужели не ясно, что если пресловутый Эрл призывает Соединенные Штаты Америки сбросить как можно скорее атомные бомбы на Кремль, то это чудовищно, это нетерпимо? Я вас спрашиваю просто по-человечески, без полемики—терпимо это или не терпимо? А вы меня спрашиваете в ответ: а что такое пропаганда войны? Попал человек в яму, ему опускают веревку, чтобы спасти его, а он вместо того, чтобы ухватить веревку и выбраться из ямы, спрашивает: а что такое веревка? **(Смех).** Мы заявляем: вот перед вами агрессор, он призывает вас, ваше правительство сбросить атомные бомбы на Советский Союз. Осудите это, а вы говорите—с какой радости? У нас свобода слова. Это злоупотребление свободой слова. И мы обвиняем в подстрекательстве, в поощрении пропаганды войны тех, кто не хочет заткнуть рот этим людям, пропагандирующим агрессию. Мы считаем своим священным, нравственным долгом—не допускать в нашей стране подобные выступления, да они у нас и невозможны. Вы не найдете в советской печати ни одной строчки, ни одной буквы, где были бы призывы к войне. Это у нас немыслимо. Того, кто бы это сказал, у нас посадили бы в сумасшедший дом. А здесь? А здесь у вас пропагандисты и поджигатели войны действуют во-всю и когда мы, обращаясь к вашей совести и зная, что эта совесть говорит то же самое в вашем народе, как и в нашем народе, требуем обуздания поджигателей войны, вы вместо этого спрашиваете: а что такое пропаганда войны, а что такое агрессия? Нельзя подменять один вопрос другим. Нельзя вопрос тем более запутывать, особенно когда этот вопрос касается судеб мира в прямом смысле этого слова. И здесь политический азарт, политический ажиотаж—вредное дело. Макнейл сам это сознает. «Я,—говорит он,—каюсь и сожалею, что говорю оскорбительные слова». Видите, какая кающаяся Магдалина сегодня сидит здесь рядом со мной. **(Смех).** Но он поступает как настоящий грешник, кается и грешит, грешит и кается и опять грешит, как будто бы он покаянием открывает путь к согрешению. **(Смех).**

Макнейл рассказывал, как в Англии позволяют выступать пацифистам и прочее. Мы знаем историю общественного развития в разных странах и мы знаем, что так называемая терпимость является результатом того, что господствующий класс чувствует себя достаточно крепким, чтобы позволить роскошь так называемой терпимости. Когда господствующий класс не видит никакой серьезной угрозы против себя, он допускает некий либерализм. Но как только начинается политическая грызучка внутри этой страны, как появляются недовольные люди, недовольные классы, как они приобретают силу, как они начинают выступать за свои права, как они начинают бороться,—как это имеет место теперь, например, в Чили или там в Бразилии,—так сейчас же начинаются аресты, подавления, усиливается применение насилий, действуют тюрьмы и, конечно, появляется козел отпущения. Кто? Москва, Москва, которая оказывается, если послушать этих господ, виновата во всех грехах. Вот что означает ваша терпимость на языке развития исторических событий. Мы знаем цену такой терпимости.

Если говорить о терпимости во внешнеполитических отношениях, то такая терпимость стоила нам уже очень много крови, господа. Напомню о той терпимости, которую Чемберлен и Даладье проявляли по отношению к Гитлеру в Мюнхене. Там тоже господствовал дух терпимости. Эта терпимость довела до того, что Гитлер проглотил, при помощи англо-французских руководителей европейской внешней политики, Чехословакию. Это привело к тому, что потом он залил кровью весь мир. Мы, советские люди, знаем это лучше, чем кто-либо другой, потому что значительная часть нашей страны подверглась огню и мечу гитлеровских орд. Так позвольте уже такую терпимость сдать в архив в назидание потомству, как не нужно быть терпимым к тем, кто является угрозой миру, сначала пропагандируя войну, а потом осуществляя эту самую войну.

Словами о терпимости вы нас не уговорите. Эпоха прекраснодушного цветисто-словесного либерализма прошла. Либерализм болтается между двумя полярными силами—реакцией и истинной демократией, обладающей могуществом магнита для притяжения народных демократических сил. Надо отбросить в сторону эту вашу пресловутую ложную терпимость, которая никогда не помогала во внешних политических делах, как об этом свидетельствует урок, извлеченный человечеством из последних десятилетий, в отношении агрессоров, в отношении гитлеровской Германии. Поэтому мы против такой терпимости.

3. Как Макнейл пытался грубо фальсифицировать историю

Макнейл говорил о выступлении И. В. Сталина на XVIII с'езде ВКП(б). Макнейл заявил, что на XVIII с'езде ВКП(б) Сталин говорил о том, что Англия, Франция и США—это было в марте 1939 года—неагрессивные государства, а потом В. М. Молотов в августе 1939 года уже говорил об империалистическом характере войны и об агрессивных намерениях тех государств, которые боятся потерять свое господство в мире. Макнейл здесь усматривает противоречие и пытается вместе с тем утверждать, что в Советском Союзе нет ясного понимания того, что такое агрессия. Он как будто забыл о тех исторических фактах, которые лежали в промежутке между мартом и августом и тем более октябрем 1939 года.

Макнейл как-то двусмысленно намекал на договор о ненападении, который был в августе 1939 года заключен между Советским Союзом и Германией. Он придавал этому характер далеко не положительного свойства, говорил об этом далеко не в доброжелательном духе в отношении к Советскому Союзу. Я должен в свою очередь остановиться на этом вопросе, так как, я это прямо скажу. Макнейл попытался набросить тень на внешнюю политику Советского Союза, извращая факты и фальсифицируя исторические события.

Что же произошло в самом деле в 1939 году? Позвольте напомнить, конечно, довольно кратко, некоторые факты. В конце мая 1939 года английское и французское правительства обратились к Советскому Союзу с предложением, в случае прямой агрессии, направленной против той или другой договаривающейся державы, предусмотреть обязательства взаимной помощи между Англией, Францией и Советским Союзом. Это было в мае 1939 года. Но эти новые предложения о взаимной помощи были пред'явлены нам в удивительно странном виде — это можно доказать рядом документов. Они сопровождались такими оговорками, которые фактически совершенно их обесценивали. Новые предложения предусматривали помощь СССР в отношении пяти стран, которым Англия и Франция уже дали свои гарантии, но ничего в них не говорилось, в этих предложениях, о помощи со стороны Англии и Франции трем граничащим с СССР балтийским странам: Эстонии, Латвии и Финляндии. Создавалось такое положение, что агрессор, а агрессором тогда, потенциальным конечно, представлялся Гитлер, и когда разговаривали Великобритания, СССР и Франция относительно будущего агрессора, они уже тогда имели в виду Гитлера, — агрессор мог угрожать Советскому Союзу со стороны балтийских стран, и ни Англия, ни Франция не были обязаны оказывать СССР помощь. Извольте видеть картину: Англия и Франция дают гарантии помощи Румынии и Польше, но не хотят дать такой гарантии Финляндии, Латвии и Эстонии. Следовательно, если бы Гитлер напал на нас через Польшу, Румынию, можно было рассчитывать на помощь со стороны Франции и Англии, но если бы он напал через Финляндию, Латвию и Эстонию, мы не имели права рассчитывать на помощь ни со стороны Франции, ни со стороны Англии. Вот как обстояло дело в 1939 г., в мае месяце. Поэтому советское правительство, в ответ на англо-французское предложение потребовало: во-первых, заключения эффективного пакта о взаимной помощи между Англией, Францией и СССР, во-вторых, оказания помощи как пяти государствам, которым были даны англо - французские гарантии, т. е. Польше, Румынии, Греции, Бельгии, Турции—в мае 1939 г., так и трем балтийским государствам, которым не хотели давать англичане и французы этих гарантий: Эстонии, Латвии и Финляндии. Насколько были советские требования справедливыми, видно из того, что 8 июля в газете «Дейли телеграф энд Морнинг Пост» появилась большая статья Черчилля, в которой он требовал немедленного создания тройственного пакта с участием СССР против гитлеровской Германии. Вот что Черчилль тогда писал: «Дела теперь зашли так далеко, что трудно себе даже представить, чтобы какое-либо из трех правительств взяло на себя ответственность за лишение сотен миллионов трудящихся этой совместной гарантии их жизни и прогресса». А что получилось? Получилось то, что переговоры, которые Англия и Франция вели тогда в Москве, в СССР, не дали тогда никакого результата. Я вам сейчас об'ясню, почему не дали никакого результата, и как дело обстояло фактически.

Но вот наступает 31-е мая 1939 года, когда созывается третья сессия Верховного Совета Советского Союза. И на этой третьей сессии, в мае месяце (об этой дате почему-то забыл упомянуть Макнейл, а это важная дата) выступает Министр Иностранных Дел СССР В. М. Молотов с докладом о внешней политике и говорит (цитирую по своим кратким записям): «Если, в самом деле, хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для этого необходимы, как минимум, такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Таково,—говорил Молотов,— наше мнение, которое мы никому не навязываем, но за которое мы стоим. Мы не требуем принятия нашей точки зрения и никого не просим об этом. Мы считаем, однако, что эта точка зрения действительно отвечает интересам безопасности миролюбивых государств».

Вот позиция, которую защищал в это время В. М. Молотов. Разве она противоречит тому, что говорил И. В. Сталин на XVIII партийном с'езде в марте 1939 года, утверждая, что Великобритания, США и Франция неагрессивные государства? Молотов говорил, что нужно заключить с этими государствами пакт против агрессии. Но не заключают же пакт против агрессии с агрессором? Какое же тут противоречие, усматриваемое Макнейлом, между тем, что говорил о направлении внешней политики в мае 1939 года Молотов, Министр Иностранных Дел СССР, и тем, что говорил в марте 1939 года И. В. Сталин? Никакого противоречия здесь нет и быть не могло. Эти разговоры о каком-то мнимом противоречии нужны Макнейлу для того, чтобы отвлечь внимание от основной задачи, чтобы попробовать запутать вопрос. Скажите, пожалуйста, вот эти условия, которые тогда, в 1939 году, выдвинул Советский Союз для того, чтобы предупредить войну, подходящи они или нет для демократических стран? Эти условия могли бы быть барьером против агрессора и против осуществления агрессивных планов? Эти условия могли бы предупредить войну, к которой готовился тогда Гитлер, или нет? На все эти вопросы надо дать, конечно, только положительный ответ. Но надо отметить, что в англо-французских предложениях эти условия, отвечающие элементарному принципу борьбы с агрессией, не встретили к себе благосклонного отношения.

Гарантировав себя от прямого нападения агрессора пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечив себе помощь в случае нападения агрессора на Польшу и Румынию, англичане и французы оставили открытым вопрос, который не мог не интересовать Советский Союз, — может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь со стороны Англии и Франции в случае нападения Гитлера не на Польшу, не на Румынию, с которыми Англия тогда заключила оборонительный союз, а на другие, пограничные с Советским Союзом, государства? Этот вопрос остался открытым. Но при этих условиях нельзя же было, конечно, рассчитывать, что Англия и Франция эти переговоры об оборонительном договоре ведут серьезно, с действительной целью обуздать агрессора. Тут, конечно, не все было гладко. Вот почему Молотов, говоря об англо-французских предложениях, называл их шагом вперед, даже в этих условиях, но отметил, что он, этот шаг, обставлен такими оговорками, вплоть до оговорок насчет некоторых пунктов устава Лиги наций, что он может оказаться «фиктивным шагом вперед».

Тут должен сделать маленькое отступление. Г-н Эватт благодарил меня за то, что я его поправил, а я благодарю его за то, что он меня благодарит. Эватт заявил, что я ничего не сказал относительно того, что в советской прессе будто бы опоздали с опубликованием сообщения относительно переговоров об изменении англо - советского договора 1942 года. Я действительно об этом не сказал, потому что, хотя Эватт и в этом случае был неправ, если бы я начал поправлять его во всем том, в чем он ошибался, то я должен был бы посвятить этой задаче все свое выступление. Но я должен сказать, что тут, конечно, Эватт был осторожен, он сказал, что мы только опоздали опубликовать сообщение об англо - советских переговорах. Но я не знаю, какие же существуют сроки для опубликования таких сообщений и кем они установлены?

О переговорах с англичанами по поводу предложения Бевина о продлении англо-советского договора публиковалось несколько сообщений в советской прессе. Я с собой захватил и эту газету, и могу это доказать документально. Вот эта статья, «К вопросу о новом англо-советском договоре» — большая статья в «Правде» от 19 апреля. Вот другая статья в «Правде» от 25 января—«К вопросу об англо-советском договоре». Какие же еще у вас могут быть претензии к нам, господа австралийцы? Сначала вы говорили, что мы не публикуем ничего, затем после того, как мы уличили их, говоря мягко, в «неточности» и в искажении фактов, они упрекают нас в том, что мы поздно опубликовали некоторые сообщения.

Но дело сейчас не в этом. Я хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать, что и в этих переговорах англичане прибегли к своему излюбленному методу оговорок. Это—целая система ведения переговоров, когда важные проблемы сопровождаются бесконечным множеством всяких оговорок. Такие оговорки имели место и в 1939 году и лишили Англию, Францию и Советский Союз всякой возможности договориться тогда о том оборонительном союзе против Гитлера, который так и не состоялся. Мешали, конечно, в первую очередь не только эти оговорки, а вот то, что не принимались условия, которые действительно могли бы гарантировать Советский Союз от нападения Гитлера, равные тем, какие уже были записаны в оборонительных договорах, заключенных Великобританией с Польшей и, например, с Румынией или Турцией.

Но вот приехала в Москву комиссия для этих переговоров. Ехала она целых шесть дней, вместо нескольких часов, если бы она отправилась, как мы предлагали, самолетом, а не товаро-пассажирским пароходом, скорость которого была тринадцать узлов. К тому же, эти представители Великобритании и Франции оказались второстепенными чиновниками, прибывшими к тому же без надлежащих полномочий для переговоров с Советским Союзом о заключении оборонительного союза. Что из этого могло выйти? Ничего. И когда председатель советской делегации маршал Ворошилов был спрошен по этому поводу, то он прямо сказал, что эти переговоры с военными миссиями Англии и Франции окончились неудачей, вследствие того, что советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии и Польше лишь на условии пропуска его войск через польскую территорию. Но польское правительство заявило, что оно не может согласиться на пропуск советских войск через свою территорию, в случае агрессии со стороны Гитлера и вообще не нуждается в помощи Советского Союза и не примет никакой помощи от Советского Союза. При этих условиях что пришлось сделать? В этих условиях ничего из этих переговоров не вышло и, разумеется, эти переговоры окончились провалом. А тем не менее, как это показало со всей очевидностью дальнейшее развитие событий, Гитлер не дремал. Между тем, в английской прессе появились сообщения о ведущихся переговорах между Германией и Великобританией о гарантированном займе и совместной эксплоатации африканских колоний. Мы говорим ясно и отчетливо: в то время у нашего правительства, у всей советской общественности на основании всех этих фактов создавалось ясное представление о том, что эта волокита в переговорах с СССР была затеяна правительствами Чемберлена и Даладье неспроста, что Чемберлен и Даладье и их дипломатия вели двойную игру. С одной стороны, они делали вид, что будто бы, они хотят заключить договор об обороне против Гитлера с Советским Союзом, а с другой стороны,— они за спиной Советского Союза вели переговоры с Гитлером, продавали Европу Гитлеру в Мюнхене и подготовляли такую обстановку, которая обеспечила бы Гитлеру успех нападения на Советский Союз. Мы чувствовали, что здесь идет двойная игра, что здесь мечется банк фальшивыми картами. И тогда, в таких условиях, Гитлер предложил нам заключить мирный договор. Мы заключили этот договор, ибо это было для нас жизненно необходимым. Это вызвало целую бурю против Советского Союза. Но Советский Союз был прав. СССР не дал себя втянуть в конфликт провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками, как сказал тогда на третьей сессии Молотов. Договор о ненападении был насущно важен для СССР, с точки зрения предотвращения агрессии или оттяжки ее, по крайней мере, на более или менее значительный срок, который мы с честью использовали для укрепления своих вооруженных сил и всей мощи советского государства, чтобы быть готовыми разгромить немцев под Москвой в декабре 1941 года, разгромить немцев в Сталинграде в 1942 году и погнать их такой лихорадочной рысью из Советского Союза, которая привела нас уже в мае 1945 г. в Берлин, над которым взвилось победоносное советское знамя.

Мы помним первые месяцы войны, эти тяжелые дни временных успехов гитлеровских орд, вторгшихся в пределы Советского Союза. Гитлеровская Германия вероломно нарушила пакт о ненападении. Так, примерно, поступили и японцы, напавшие на Пирл-Харбор, когда сидели в Вашингтоне Курусу и Намура и вели мирные переговоры, прикрывая этими мирными переговорами подготовку военного нападения на США.

Прикрываясь мирным договором, который мы имели с Германией, Гитлер готовил нападение и под прикрытием этого договора в 4 часа утра 22 июня напал, наконец, на советскую страну. И вот 3 июля 1941 г., когда уже западная часть России была в огне этого страшного пожара, зажженного гитлеровским вторжением, наш вождь Сталин выступил по радио с обращением к народу, зовя его к сокрушению врага, и он говорил: «Могут спросить: как могло случиться, что советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии—если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы,—спрашивает Сталин,—заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

Вот что говорит нам, г-н Макнейл, история этих показавшихся вам противоречий в вопросе об агрессии между позицией, изложенной в марте И. В. Сталиным, и между позицией, изложенной в октябре или в августе Министром Иностранных Дел Молотовым. Я должен был об этом так пространно напомнить, чтобы устранить в дальнейшем всякие основания для каких бы то ни было намеков, носящих характер инсинуаций, для каких бы то ни было попыток извратить действительный ход вещей, фальсифицировать историю, изображая Советский Союз в совершенно ином виде, чем это соответствует действительности.

4. СССР требует осудить и унять поджигателей новой войны

Итак, мы на своих плечах вынесли гигантскую тяжесть войны против Гитлера. За последние сорок лет наша страна пережила три страшных войны—1905 года, 1914 года и 1941 года. Последние две войны, пережитые нами, стоили нашему народу больших жертв, и мы не хотим повторения пройденного. Нам не нужны войны, потому что нам не нужны территориальные приобретения и рынки.

Г-н Макнейл здесь признал, что, конечно, капиталистическая система нуждается в расширении и некоторые видят путь к этому в войнах. Вот мы и говорим об этом, когда говорим о влиянии капиталистических реакционных монополий в Америке и в некоторых других странах.

Мы с вами здесь должны быть союзниками, ибо если природа капитализма такова, что капитализм ищет экспансии, рынков, а некоторые, как вы говорите, реакционные группы из этого общества ищут этих рынков путем войны, то если вы действительно социалисты, как вы здесь только что заявили, если мы держимся здесь одного взгляда на источник войн, то мы должны против этого бороться. И, как один из методов борьбы, мы должны бороться против пропаганды такой войны, которая поощряется капиталистическими монополиями, реакционными кругами в ряде стран, которые видят в этом необходимое условие своего существования. Об этом сейчас идет речь. Вы говорите, что мы предлагаем те методы, которые несовместимы с вашей идеологией, имея в виду цензуру, но, во-первых, позвольте, у вас цензура есть. У вас есть, например, театральная цензура. Цензура против порнографии есть у вас — или нет ее? Есть. Наказания за всякого рода развращение общественных нравов есть у вас? Есть. Мы требуем, чтобы и за развращение общественных нравов путем пропаганды войны было установлено наказание. Но вы заметьте, мы в резолюции не говорим о цензуре и мы вообще не рекомендуем никаких мер наказания — мы только хотим, чтобы Ассамблея сказала, призвала, обратила внимание правительств, государств, чтобы они в порядке своего внутреннего законодательства, в порядке и в связи со своей внутренней конституцией, приняли бы такие меры, которые под страхом наказания обуздывали бы пропагандистов новой войны и, следовательно, избавили бы человечество от опасности этих страшных бедствий. Почему это не приемлемо? Потому, может быть, что это наше предложение? Но сделайте его вашим предложением. Между тем вы вообще не вносите никакого предложения. Французы говорят — критика легка, а делать трудно. Мы видим вашу критику наших предложений. Вам не нравятся наши предложения — внесите ваши предложения. Вот, может быть, будет создан редакционный комитет — внесите ваши предложения. Сделайте этот шаг, внесите вашу резолюцию, действительно направленную против пропаганды войны. Мы охотно поддержим ее, независимо от того, ваша это резолюция, или чья-либо еще.

Австралийская делегация предлагает осудить пропаганду войны, а одновременно и осудить и ложные обвинения. Но разве не ясно, что этим самым вы с'едаете с конца то, что вы пишете вначале. Разве вы не понимаете, когда говорите: осуждаем пропаганду войны и осуждаем тех, кто выступил с ложными обвинениями в пропаганде, то вы этим самым набрасываете намордник на всякого, который мог бы выступить разоблачителем этих пропагандистов войны, потому что он будет бояться того, что его обвинят в вымысле, во лжи. Это же ослабление этого пункта. Мы добиваемся только того, чтобы в резолюцию, которая имеет одну задачу и цель, не включали то, что ослабляет силу этой резолюции. Мы добиваемся этого еще и потому, что в законодательстве разных стран имеются нормы, которые достаточно защищают от клеветы и ложных обвинений. Зачем же нужно еще что-то новое предлагать? То, чего нет, вы не хотите принять, когда речь идет о борьбе с пропагандистами войны; то, что есть, когда идет речь о борьбе с ложными обвинениями, то, что есть в законодательстве,— это вы требуете включить в резолюцию. Что за логика? Может быть об'яснение дано только одно — это делается для того, чтобы, с одной стороны, не покраснеть перед миром, перед всеми миллионами простых людей, которые не поймут и не простят, если вы не осудите пропаганду войны, но, с другой стороны, вы хотите это сделать так, чтобы это ничего не давало на деле. Это неправильно, это лицемерно, и мы возражаем против этого. Весь мир следит за той работой, которая идет сейчас в этом Первом комитете. Как благовеста ожидают народы нашего слова, запрещающего и осуждающего пропаганду войны. Народы благословят нас, если мы сговоримся на этом, но народы проклянут нас, если мы не выполним этого своего величайшего долга, особенно теперь, в такую исключительно ответственную минуту.